

Становление понятий закона и права в традиционном правосознании казахов

Е. А. Абиль

Изучение соционормативной культуры казахов европейской наукой началось еще в XIX в., однако и по сей день широкий круг проблем, связанных с историей права на территории Казахстана и сопредельных регионов, обозначен лишь схематически. В полной мере это относится и к самим понятиям «право» и «закон» в среде евразийских тюрков-кочевников. Мы знаем из источников, что для обозначения этих понятий использовались термины «Төре», «Жарғы», в более позднее время «Заң». Одним из терминов, обозначающих законы, был термин «жол» (досл.: «путь»). При этом употреблении данного термина в данном контексте отмечено для двух вариантов кодификации обычно-правовых норм, предпринятых казахскими ханами – «Қасым ханның қасқа жолы» (Светлый путь хана Касыма), «Есім ханның ескі жолы» (Древний путь хана Есима). В данном случае термин «жол» выступает в значении «свод правил», «кодекс». О данном значении термина «жол» говорят практически все исследователи обычного права казахов. Так, С. Зиманов переводит термин «жол» как «правила», «установления» и «уложения»¹. Он отмечает, что данный термин наряду с терминами «жора», «жарғы», «жоба» употреблялись в том случае, когда необходимо было подчеркнуть важное значение норм. При этом данные термины иногда употреблялись в сочетании «жол-жоба», «жол-жора»².

Вместе с тем следует отметить бытование и другого значения термина «жол». Так, при определении преимущественного права того или иного лица в различных ситуациях у казахов

употребляется формула «жолы үлкен» (*букв.*: его путь больше). Данная формула применяется при определении юридического (не фактического) старшинства лиц при распределении угощения, почетного места на официальных собраниях, места в боевом порядке, при распределении военных трофеев, решений земельно-водных и других имущественных споров. Таким образом, второе значение термина «жол» – «право», причем очевидно, что первичным является значение «закон», «правила», так как преимущественное право – «үлкен жол» – определялось именно исходя из норм обычного права.

Термин «жол» в значении «право» встречается в казахском устном творчестве, в частности в героическом эпосе и поэзии жырау. В эпической поэме «Телагыс» один из героев, напоминая о существовании обычая заключения династических браков между правящими родами двух кочевых объединений, говорит:

Қыз альп, қыз беру – Выдавать дочерей (замуж), брать дочерей.
Атаның жолы сол деді – Это правило наших предков.
Бұрыннан келген жол деді – Правило, идущее с давних пор³.

В данном случае слово «жол» употребляется в значении «правило», «обычай, освященный веками». Примерно такое же значение вкладывает в слово «жол» Жиембет-жырау, поэт и политический деятель XVI-XVII вв. В обращении к Есим-хану, протестуя против его неправомерных действий, поэт заявляет:

Хан еи, ісің жол емес. Владыка-хан, твои дела
 неправедны (*букв.*: не путь)⁴.

Таким образом, мы видим, что в казахском обычном праве термин «жол» выражал два близких понятия: право и кодекс, собрание законов. Кстати, первоначальный, сакральный смысл понятия «жол» прослеживается и по тому факту, что так казахи называли не действующие, а бытовавшие в историческом прошлом кодифицированные нормы права. Первые носили название «Жарғы», т. е. установления, этимологически данный термин близок к термину «Жарлық» – «указ». Можно предположить, что этим термином обозначались нормы, установленные государством, светским правителем, в отличие от «жол» – «пути», норм, установленных традицией. Именно поэтому для казахов эпохи Тауке (XVIII в.) действующий кодекс законов назывался «Жеті Жарғы», а кодексы Касыма (XVI в.) и Есима (XVII в.), утратившие актуальность как правовые нормы и оставшиеся в народной памяти как некие идеальные законы древности, образец, которому должны следовать потомки – «Жол». Сакральное значение дороги в казахском общественном сознании подчеркивает тот факт, что данное понятие занимало большое место в ритуальной практике шаманов-баксы⁵.

В этой связи было бы интересно проследить исторические корни понятия «жол», т. е. «путь» в обычном праве тюркоязычных кочевников Евразии. В частности, большой интерес представляет культ Йол-тенгри, «Бога путей», существовавший у тюрков Центральной Азии в раннем средневековье. Упоминание о нем имеется в двух источниках, обнаруженных в пещерной библиотеке Дуньхуана. Первый из них – древнетибетский «Каталог княжеств», указывающий среди соседей Тибета «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шубалык, почитают бога Йол-тенгри. Второй источник – «Книга гаданий» (Брж битиг), содержащий тексты культового характера. В последней говорится о двух Йол-тенгри, «Боге путей на пегом коне» и «Боге путей на вороном коне». Основываясь на анализе «Книги гаданий», С. Кляшторный считает, что культ богов путей был связан с идеей государственности и существовал для обоснования прав кагана управлять страной⁶. Так,

один из Йол-тенгри приносил правителю «Кут» божественную харизму, благодаря которой он имел право управлять государством, своеобразную «благодать»:

Ала атлығ йол теңірімен Я бог путей на пегом коне.
Йарын кіче ешүр мен. Еду и днем и ночью.
Үтру екі атлығ кіші Встретил молодых людей
 оғлын соқышмын на конях.
Кіші қорқмыш. Люди испугались.
 Қорқма, теміс. Не пугайтесь, сказал
Қут берген мен, теміс. Я даю «кут» (благодать) – сказал.
Анча білің; едгу ол. Знай, это благо⁷.

Другой Йол-тенгри обустроивал и восстанавливал государство:

Қара йол теңірім, Я бог коней на черном (коне),
Сънықынын сепермен, Восстанавливаю сломанное,
Үзіңкің улайур мен, Соединяю разорванное,
Іліг ітіміш мен – Создаю «Иль» (державу) –
Едгүсі болзун тір. Пусть благо будет⁸.

Как мы видим, Йол-тенгри были олицетворением двух основных принципов осуществления государственной власти – легитимности и установления организационно-структурного порядка. Оба эти принципа тесно связаны с понятием права как системы регулятивных норм, и мы с полной уверенностью можем говорить, что в среде древних тюрков понятие «йол» – «путь» носило значение «право», «правила поведения». Вместе с тем существование понятия «путь» только в связи с сакрально-властными идеями и в достаточно позднее время говорит о том, что мы имеем дело с заимствованием из иной социально-культурной среды. Действительно, в рунических памятниках в данном значении термин «йол» не встречается. Словарь Махмута Капгари объясняет термин «йол» только в одном значении: «дорога», «путешествие»⁹.

Ближе всего к этому значению термина «путь» религиозно-этические учения дальневосточных цивилизаций, в частности даосизм. Понятие «Дао» было центром древнекитайской философии и графически изображалось иероглифом, состоящим из двух элементов: «шоу» – голова и «цзоу» – идти. Первоначальный, мифологизированный смысл данного понятия – «путь, которым ходят люди»¹⁰. Исходя из этого у основателя даосизма Лао-Цзы понятие «Дао» получает значение единого мирового Закона, Великого пути, общего для Космоса, Природы и Человека. Как естественный Закон (совокупность всех законов), Дао является источником миропорядка, а земные, государственные законы – лишь его отражение, император – не источник власти, а медиум, посредник, через которого людям сообщается воля Неба. Так, «Дао дэ цзин» (Книга о Дао и Дэ), один из основных даосских текстов, содержит следующую формулу иерархии законов от земных до Великого Дао: «Человек следует законам земли. Земля следует законам неба. Небо следует законам Дао, а Дао следует самому себе»¹¹. Синтез конфуцианства и даосизма привел к прямому пониманию Дао – «пути» не только как абстрактного, идеального порядка, но и порядка социального. В произведении III в. до н. э. «Люйши цуньцзо» (Весны и осени Люй Бувэя)¹² прямо указывается, что «для обретения народа надо владеть Дао», т. е. источником земных законов является «Путь – Дао»¹³. Такое религиозно-этическое понятие «пути» как сакрального закона, исполнение которого поддерживает порядок, оказало воздействие и на последующие философские учения Востока, заняв определенное место как в позднем конфуцианстве, так и в различных буддийских школах. Под влиянием даосского представления о «пути» как «порядке» формулируется понятие «путь – кодекс поведения», в частно-

сти, в воинских искусствах Востока – «кэмпо». Напомним, что кодекс поведения самураев также носил название «путь» – «бу-сидо» (путь воина).

Проникновение даосских идей в тюркскую среду осуществлялось вместе с буддизмом в VII–IX вв. и оказало сильное влияние на верхушку тюркского общества. В 626 г. ко двору западно-тюркского Тун-джабгу-хана прибыли буддийский проповедник Прабхакарамитра с десятью спутниками, которых встретил теплый прием у степного правителя¹⁴. Через несколько лет в ханские владения прибыл другой буддийский монах, Сюань Цзан, собиравшийся прочесть в Гаочане (Турфанский оазис) лекции по буддийской философии. В китайской литературе зафиксирован факт благожелательного отношения кагана к его проповедям: «...наставник веры (Сюань Цзан. – Е. А.) для поучения их (тюрков. – Е. А.) рассказал о десяти заповедях буддизма... Тогда каган, воздев руки и начав класть земные поклоны, с радостью принял его учение»¹⁵. О широком распространении буддизма на юге Казахстана и в Семиречье говорит и обнаружение археологами значительного количества буддийских храмов и монастырей, отдельных ритуальных предметов в этом регионе¹⁶. Именно в этот период под влиянием даосско-буддийских учений понятие «пути» как сакрального порядка могло проникнуть в тюркскую среду, тем более что правители каганата были заинтересованы в идеологическом обосновании своей власти и всячески поощряли распространение подобных идей.

Таким образом, понятие «путь» в правовом сознании тюрков-кочевников появляется в раннем средневековье и своими корнями уходит в даосские представления о великом Дао – Пути как мировом Законе, отображением которого являются законы земные. Под влиянием буддизма идеи о значении Пути как сакральном гаранте стабильности государства и легитимности власти распространились среди древних тюрков и оформились в виде культа богов путей – «Йол-тенгри». Именно в значении «право», «закон» термин «йол», или «жол» (путь), проникает в социально-нормативную лексику народов, входящих в Тюркский каганат, в том числе предков казахов.

В заключение отметим, что вопросы происхождения правовой лексики и понятий в сфере правового сознания и нор-

мативной культуры казахского народа достаточно слабо разработаны в науке, и данная статья затрагивает лишь небольшую часть проблем, связанных с ними.

¹ См.: Зиманов С. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права. – Алма-Ата, 1984. – С. 13.

² Там же. – С. 16.

³ Жаңбыршы ұлы Телағыс // Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық. – Алматы, 1986. – Т. 6: Батырлар жыры. Мұрын жыраудан жазылған мұралар, 1990. – С. 193.

⁴ Бес ғасырлар жырлайды: ғасырдан ғасырдың бас кезіне дейінгі қазақ ақын-жырауларының шығармалары: Үш томдық / Жауапты шығарушы М. Байділдаев. – Алматы, 1984. – С. 59.

⁵ См.: Толубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алма-Ата, 1991. – С. 54–55.

⁶ См.: Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: (Древность и средневековье). – СПб., 2000. – С. 159.

⁷ Айдаров Ф. Орхон ескерткіштерінің тексі. – Алматы, 1990. – С. 159.

⁸ Там же. – С. 166.

⁹ См.: Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі: (Диуани луг ат-ит-түрік): 3 томдық шығармалар жинағы. – Т. 3. – Алматы, 1990. – С. 202.

¹⁰ См.: История философии. – М., 1997. – С. 45.

¹¹ Литература Древнего Востока: (Иран, Индия, Китай (тексты)) / Авт.-сост. Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева. – М., 1984. – С. 229.

¹² Люй Бувэй – крупный политический деятель эпохи Цинь, собравший при своем дворе коллектив профессиональных философов, попытавшихся создать универсальную систему на основе конфуцианства и даосизма.

¹³ См.: Литература Древнего Востока: (Иран, Индия, Китай (тексты)) / Авт.-сост. Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева. – С. 254.

¹⁴ См.: Гумилев Л. И. Древние тюрки. – М., 1993. – С. 163.

¹⁵ Да-цы-энь-сы Сюань Цзан фаши чжуань: (Жизнеописание наставника веры Сюань Цзана из монастыря Да-цы-энь) // Зуев Ю. А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – С. 265.

¹⁶ См.: История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 4 т. – Алматы, 1996. – Т. 1. – С. 385–386.